

манеж в «октябре» / manege in «octyabr»

МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНО ФЕСТИВАЛЬ 20.06 – 29.06.2013

#7
(106)

Сернио Трефо
Я на своей шкуре испытал, какое
бывает отношение к эмигрантам
Sergio Trefaut
I experienced first-hand how
emigrants are sometimes treated

Габриэле Сальваторес
Я понимаю, что в России мой
фильм про русских кажется
неправдоподобным
Gabriele Salvatores
I realize that in Russia my film
about Russian seems unrealistic

АНМАД ТЕА ПРЕДСТАВЛЯЕТ

3X3D
Реж. Жан-Люк Годар,
Питер Гринуэй,
Эдгар Пера

3X3D
Dir. Jean-Luc Godard,
Peter Greenaway,
Edgar Pera

СКОЛЬЖЕНИЕ

стр. 3

ТУЛПА
TULPA

стр. 4

ЧУЖИЕ ВОСПОМИНАНИЯ
A MEMÓRIA QUE ME CONTA

стр. 5

КОРОЛЕВСКАЯ ПАЛИТРА
ROYAL PAINTBOX

стр. 5

ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ
BORGMAN

стр. 6

Жюри / Клаас Даниэлсен

ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ МЫ РАССКАЗЫВАЕМ

Член жюри конкурса документального кино Клаас Даниэлсен – немецкий режиссер, продюсер. До того, как в 2004 году стать программным и управляющим директором одного из старейших документальных кинофестивалей мира DOK Leipzig, Клаас Даниэлсен успешно снимал документальные фильмы, получившие признание на крупных международных кинофестивалях. В 1999 году он создал и руководил образовательным направлением киношколы для европейских документалистов Discovery Campus.

– Есть ли разница между европейскими фестивалями и российскими?

– Что касается документальной программы на Московском международном кинофестивале, то конечно. Ведь ММКФ – не фестиваль документального кино, здесь не такая большая документальная программа, но, по-моему, она хорошая. Есть действительно интересные работы.

– Каковы критерии отбора на вашем фестивале документального кино в Лейпциге?

– Мы стараемся составлять программу из авторского документального кино. Там не бывает типично телевизионного продукта. Зато у каждого из наших режиссеров есть свой собственный взгляд на жизнь. Это их индивидуальный, субъективный подход к реальности или к нереальному. Эти фильмы рассказывают о том времени, в котором мы живем сейчас.

– Игровое кино считается иллюзией реальности, а документальное?

– Документалистика, конечно, связана с реальностью, но вы и я смотрим на одну и ту же ситуацию с разных сторон. Так что кино – это всегда субъективный взгляд. Главное, что режиссер может открыть нам глаза на те обстоятельства, которые мы просто не замечали. Документальное кино погружает нас в окружающий мир. Порой очень полезно посмотреть документальный фильм, чтобы увидеть знакомую ситуацию с неожиданной стороны.

– Есть ли какая-то связующая, основная тема этого года на фестивале в Лейпциге?

CLAAS DANIELSEN

JURY

Claas Danielsen, German director, producer. Prior to becoming the program and managing director of one of the oldest documentary film festivals in the world "DOK Leipzig" he shot documentaries which won acclaim at leading international film festivals. In 1999 he launched and managed the educational section of the film school for European documentary filmmakers "Discovery Campus".

– Is there any difference between European and Russian festivals?

– As far as the documentary program at the MIFF is concerned, yes there is. The MIFF is not a documentary festival, the documentary program is not very large, but I think it is good. There are really interesting works in it.

– What are the selection criteria at

your festival in Leipzig?

– We try to include author's documentary films. You won't find typical TV products there. Instead each of our directors has his own specific world outlook. It is their subjective, individual approach to reality or unreality. These movies speak about the present day.

– Live-action cinema is considered to create an illusion of reality, and what about documentary cinema?

– Of course documentary cinema is linked to reality, but you and me see the same situation from different points of view. So cinema is always subjective. The most important thing is that the director can draw our attention to certain circumstances which we have not noticed. Documentary cinema plunges us in the world around us.

Sometimes it is very useful to watch documentary films and see a familiar situation from a different perspective.

– Is there some prevalent theme, some common basis for this year's festival in Leipzig?

– No, we don't try to squeeze films into the framework of a certain theme. We simply collect all the best from around the world. But we have thematic programs. Thus, in 2013 we will be sowing films about revolutions and rebellions in different countries, films of different years from all over the world. Those will be films made by people who watched and closely followed the progress uprisings. The starting point for the retrospective is the events of 1953 in the GDR, when there were massive worker uprisings. This year we will be showing Brazilian cinema. Some

– Несколько дней назад на Московском фестивале вы представляли фильм «Олимпия» Лени Рифеншталь. Тогда вы сказали, что никогда прежде его не смотрели. Как впечатления?

– Это было интересно. Конечно, Лени Рифеншталь была очень талантливым режиссером. Но надо понимать, что этот фильм – продукт своего времени. Сейчас мы воспринимаем этот фильм как произведение искусства, но вообще-то это чистая пропаганда. Во времена моей юности было невозможно посмотреть эту картину в кинотеатрах. Потом появились DVD, но на них фильм был плохого качества, поэтому я не смотрел его. Да даже совсем недавно его показывали только в качестве учебного пособия в киношколах, но уж точно не в кинотеатрах. Было интересно увидеть картину на большом экране, да еще и в таком хорошем качестве.

Интервью велла Елизавета Симбирская

programs will be devoted to certain directors. Lots of different stuff.

– Some days ago at the MIFF you introduced Leni Riefenstahl's "Olympia". You said then that you had not seen it previously.

– It was interesting. Of course Leni Riefenstahl was a very talented director. But you must bear in mind that this film was a product of its time. Today we see it as a work of art, but essentially it is pure propaganda. In the days of my youth it was impossible to see this movie in a cinema hall. Then DVDs appeared, but the quality was bad and so I did not watch it. Even recently it was shown only for study purposes in film schools, but not in cinemas. It was interesting to see the movie on the big screen and in such good quality.

Interviewed by Elizaveta Simbirskaya

НА ПОСЛЕДНЕМ ДЫХАНИИ

КОНКУРС СКОЛЬЖЕНИЕ/ РЕЖ. АНТОН РОЗЕНБЕРГ

Антон Розенберг, достигнув вершин рекламного бизнеса, заскучал и решил заняться искусством кино. Выбор территории для дебютной картины не обещал легких путей: криминально-полицейский триллер давно поселился на некоторых федеральных телеканалах для «четких пацанов», где они – «четкие» – могут усладить свой утонченно-мачистский вкус созерцанием боев без правил с эротическими нотками под нефiltroванное пиво или что-нибудь еще. Но наблюдательный киноман сразу почувствует подвох. Опытный рекламщик Розенберг на главную роль выбрал явно не того пацана. Есть же специально обученные «лица канала», а тут совсем уж не героического вида Владислав Абашин («В тумане» режиссера Сергея Лозницы) – ни тебе мускулов, ни зверской физиономии, – жалкий какой-то. Нет – под такое кино «культурно, с пивком» не отдохнешь. Да и сама история вьется явно не в сериальную сторону. Нет здесь героических силовиков и сексапильных девчонок, сальных подробностей и стритрейсерских гонок.

Абашинский Пепл – у бездны на краю. Как писал Владимир Соколов: «И не надо мне прав человека, я давно уже не человек». Пепл перестал быть человеком, когда надел погоны борца с наркомафией, чтобы от той же мафии кормиться вместе

с другими доблестными стражами порядка. Только вот что-то похуже на совесть мешает его герою радостно хапать как все. Пространство сытого беспредела постепенно становится для рефлексующего героя Владислава Абашина несомкстимым с жизнью, с желанием иметь детей (жена лечится от бесплодия), смотреть людям в глаза, спокойно ходить по улицам. Но, оказывается, попав в этот звериный клан, ты уже не можешь соскочить, уйти за флажки, не можешь даже умереть по-людски. Таких даже на зоне селят отдельно – их ненавидят и силовики, и эзки. Пепл бежит по кругу, истекая кровью, и знает, что бежать некуда. Вместо эффектных, присущих жанру гонок – жалкое подглядывание, тошнотворный смердящий страх. Нет ничего героического в жизни этой самой мафии,

да и героев там тоже нет. И хотя снято «Скольжение» как высокобюджетный фильм – на новейшую даже для Голливуда камеру (ее использовали для съемок фильмов «Миллионер из трущоб» и «Патруль»), со скрупулезной тщательностью, не присущей отечественному жанровому кино, – это не фильм о герое-одиночке. Для таких время печали еще не пришло. Принципиально наделенный антигероической внешностью мент, наверное, не вырвется сам и, скорее всего, не укажет революционную дорогу другим, – слишком уж велико трение при скольжении по кривой. И все же абашинский Пепл уже и не быдло в погонах, глумливо вззирающее на бесправное народонаселение. Это фильм не о том, как надо, а о том, как уже нельзя.

Ася Колодизнер

Asia Kolodizhner

SLIDE

COMPETITION

DIR. ANTON ROZENBERG

Anton Rosenberg, having reached the heights of advertising business, felt bored and decided to take up the art of cinema. For his debut he chose the sphere that did not promise easy success. Criminal police thriller has long ago secured itself a place on some federal TV channels for “tough guys”, so that those “tough machos” could enjoy themselves and watch ultimate fighting with erotic overtones and taste white beer or something else. But an attentive film lover will immediately sense something fishy. An experienced advertiser chooses the wrong guy for the leading part. There are specially trained “faces of the channel”, but he invited Vladislav Abashin (“In the Fog” by Sergei Loznitsa) who does not look heroic at all with no muscles, no animal scowl, no nothing, somehow pitiable. No, there is no way one can relax “decently” drinking beer and watching such a movie. And the story itself spins in the wrong direction. No heroic law enforcement officers, no sexy girls, no dirty details and street racing.

Abashin’s Pepl is balancing on the edge of the abyss. In the words of Vladimir Sokolov, “I don’t need human rights, I have long ceased to be human”. Pepl stopped being human when he became a fighter with drug dealers and started feeding on the same mafia together with other valiant defenders of the law. The trouble is that something remotely resembling conscience won’t let him happily rip off like everyone else. For the thinking protagonist the territory of stuffed free-for-all gradually becomes a place incompatible with life, with the desire to have children (his wife is undergoing treatment for infertility), to look people openly in the face, to walk along the streets safely. But it turns out that once you get into this animal kingdom you can’t get off, can’t retreat, can’t even die decently. Guys like him are kept separately in prison hated by the guards and the inmates alike. Pepl runs in circles bleeding and knows that there is nowhere to run. The place of breathtaking chases, that are part of the genre, is taken by despicable peeping, nauseating stinking fear. There is nothing heroic about the life of this mafia and there are no heroes there. Although “Slide” was shot like a multimillion blockbuster with the newest equipment, rare even in Hollywood (it was used for shooting “Slumdog Millionaire” and “Patrol”) with painstaking precision not typical of the national genre, this is not a film about a lonely hero. The time has not come for them as yet.

His intentionally anti-heroic looking cop won’t probably break free and will not probably show revolutionary road for others. But still Abashin’s Pepl is no longer cattle looking gloomily at the disenfranchised people. It is not a movie about how things should be but about how they can’t be any more.

СОРОКОВИНЫ

АЛЕКСЕЙ БАЛАБАНОВ

Не умеющий нравиться, – и, похоже, любимый всеми. Ребячливый, – и потцовски твердый. По-пацански нерасчетливый, – и житейски мудрый. Отшельник со школьной тетрадкой, в которой наброски будущих диалогов, – и почти классик. В вечной тельняшке из ларька в переходе, – и стильный, как поэт серебряного века... И мы – по отношению к нему – так же: почти гений, но не слишком ли горяч? Правдолюб, но если бы чуть больше изящества... Говорят, не дожидать отпущенное. Не дожидать, потому что прожил жизнь и за себя, и за нас всем нутром, жарко, безрассудно, у вечной российской бездны на краю. Смотрел в эту бездну спокойно и исподволь учил нас этой смелости, как мог. А мог он многое. И смог тоже. После, кажется, единственного серьезного международного приза в Турине (это Балабанов-то!) чуть не опоздал на самолет при пересадке во Франкфурте: просто-таки впился глазами в кучку развеселых русских распальцовщиков, хмельно транжиривших тогдашние марки в дюты фри. Они ошалело глазели на уже ставшего культовым Балабанова, только-только отвесившего пощечину всем общественным вкусам своим «Братом», а Леша выпрашивал, выпрашивал, прислушивался к каждой их интонации, и тут же становился своим. Отходил от толпы, возвращаясь к себе – чуть другим. И вот так везде и всегда, вгрызаясь в развороченный перестройкой чернозем русской жизни как никто, жадно насыщаясь взбудораженной Россией, которую любил преданно, без патриотического надрыва, а с вызывающей, почти пионерской наивностью, а, может быть, рокерской непосредственностью. Октябринович. Борец с буржуями, – а они его боготворили ничуть не меньше, чем неимущие. Так и сказал тогда глуховато по телефону: «Наверное, это последний фильм», – когда я звонил в Питер, очумевши после «Я тоже хочу», в котором тогда еще вместо компьютерной графики зияли какие-то каракули. Но разве этого он хотел? И неужели все это уже – воспоминание?

Петр Шепотинник

ОЧЕНЬ СТРАШНОЕ КИНО

ДИКИЕ НОЧИ ТУЛЬПА (TULPA) / РЕЖ. ФЕДЕРИКО ДЗАМПАЛЬОНЕ

– Почему вас так привлекает жанр фильмов ужасов?

Федерико Дзампальоне: Вероятно, это способ избежать ужасов реальности. Это шутка. На самом деле, когда меня спрашивают, почему мне нравятся такие фильмы, то готового ответа у меня нет. Страх – очень древнее чувство. Еще детьми мы начинаем бояться – темноты, приоткрытого окна. С возрастом это чувство никуда не девается. Вы можете скрывать его, но в какой-то момент ребенок внутри вас одерживает вверх, и вы снимаете фильм ужасов. Вы чувствуете себя немножко ребенком, потому что вам приходится вспоминать свои страхи, которые вы испытывали еще в детстве... В «Тулпе» нет ничего особенно ужасного. В конце концов, это всего лишь фильм. Если вы прочитаете газеты, – вот где настоящий ужас.

– Традиция фильмов ужасов достаточно богата, причем не только в Голливуде, а и в европейском кино. Каким образом вы ее развиваете?

– В моем фильме есть признаки сегодняшнего дня – экономический кризис, секс-клубы... Это история про секс, про насилие. У этого фильма нет глубокого смысла, я ничего не хочу никому «передать», внушать, – это просто развлечение. Грустно, что в Италии исчезает жанр джалло. В молодости я был поклонником фильмов Дарио Аргенто, Люсио Фульчи, Марио Бава. Я их часто смотрел. И вдруг подобные фильмы снимать перестали. С годами изменилась аудитория. Мне не хватает таких картин. Я годами их ждал, ждал, что кто-то снимет такой вот фильм джалло. Но снимали только «классические» фильмы ужасов – про ведьм, про Дранку-

лу... И я подумал: давайте снимем джалло! Это мое личное объяснение в любви этому жанру. Надеюсь, мода вернется и мы снова увидим джалло на экранах.

– Насколько серьезна разница между джалло и традиционным фильмом ужасов?

– Разница огромная! Главное в фильме ужасов – страх: зрителя нужно напугать. Все максимально серьезно. Выбирается тип ужаса – кровавый, сверхъестественный, привидения и так далее. Сложившихся типов ужаса множество. Но основное – это сам ужас. В джалло же главное – сумасшествие. Иногда вам страшно, но иногда – смешно. Иногда на экране что-то слишком броское, кричащее, бьющая по ушам музыка, роскошные декорации. Это смесь самых разных элементов. По сравнению с ужастиками, джалло делать сложнее. Слишком уж тонкая грань между смехом и страхом.

– Что вдохновляло вас во время работы над «Тулпой»?

– Атмосфера моего фильма напоминает картины 70 – 80-х годов, и, например, такие фильмы, как «Убийца, запугавший Нью-Йорк». Убийца у меня одет как у Марио Бава: черные перчатки, плащ... Я хотел включить в сюжет экономический кризис, потому что он сильно давит на нас. Все постоянно говорят, что ни у кого нет денег. И вот это понастоящему страшно.

Манера съемок тоже была немного более современной, чем в традиционном джалло. Мы использовали смесь аналоговой съемки, разнообразных «протезов» и цифровой обработки, чтобы все получилось более реалистично. Если использовать только механические

эффекты, фильм покажется немного старомодным. В старых фильмах этого жанра определенные эпизоды снимать можно было только одним способом: крупным планом показывая детали, например, нож. Мы использовали другой путь. У меня были двое очень талантливых ребят, которые занимались именно новыми технологиями. Я не слышал, чтобы такой метод кто-то использовал до нас. Думаю, это мои ребята его изобрели... Но не буду раскрывать все карты.

Музыка тоже не совсем как в джалло, скорее это современный джаз, электронная музыка. Для такого фильма это немного необычно. Посмотрим, что получилось. Я пока даже не могу точно сказать, что я сделал.

– Почему жанр джалло родился именно в Италии, как вы думаете?

– В Италии есть паста, пицца и джалло. Наверно, итальянцы чуть-чуть ненормальные. Это некое сочетание нехватки денег, нехватки творческой фантазии и желания стильно снять фильм. Ни в одной другой стране я ничего подобного не видел. Теперь в других странах делают подражание джалло: «Маски» Андреаса Маршалла и другие. Странно, ведь это наш жанр, а мы в нем больше не снимаем. Джалло для нас снимают другие люди в других странах.

– А ваши дети любят джалло и фильмы ужасов?

– Мою дочь еще рано водить в кино, ей всего три года. Но уверен, она будет любить фильмы ужасов. Иногда она просит меня показать грим для зомби в интернете...

Интервью вели Ася Колодижнер и Петр Шепотинник

ЧТО-ТО В ВОЗДУХЕ

КОНКУРС ЧУЖИЕ ВОСПОМИНАНИЯ
(A MEMÓRIA QUE ME CONTAM)/ РЕЖ. ЛЮСИЯ МУРАТ

«Когда мы познакомились, нам было семнадцать... Мир начал переворачиваться с ног на голову, и Ана повлила на всех нас...»

«Когда я приехал в Рио, то сразу вошел в контакт со всеми, в том числе и с Аной. Мне многие завидовали...»

«Ана была нашим вечным бунтовщиком – тем, кто соединял нас всех, тем, в ком мы нуждались...»

В таких незатейливых выражениях вспоминают о главной героине фильма, Ане, ее постаревшие товарищи по революционной борьбе. Подвергнутая пыткам, подрывавшим ее психическое и всякое другое здоровье, Ана находится в коме, как, надо полагать, и революционное движение в Бразилии, и собравшиеся вместе растолстевшие экс-бунтари расслабленно моют кости, чешут языки, вспоминают прошлое, вяло вступая в конфликт хорошего с прекрасным. За прекрасное отвечают дети бывших революционеров, которым в современной Бразилии, судя по этому фильму, бороться уже особенно не за что. Сын кинематографистки Ирене (это альтер эго режиссера картины Люсии Мурат, принадлежащей «поколению 1968 года») открыто сожительствует с парнем. Дочь Аны нашла себя во Франции и, не предаваясь особенно траурным настроениям, кажется, вот-вот прыгнет в постель к сверстникам-геям. Не знаю, как социальная, но сексуальная революция

точно свершилась, и реванш уже невозможен. По крайней мере, в Бразилии. А весь остальной «марксизм» плавно переместился в плоскость бесконечного «бла-бла-бла», которым развлекаются на досуге пережившие военную диктатуру и сделавшиеся бразильской элитой, просочившиеся даже в министерства и в интеллектуальное кино друзья Аны.

Сама Ана возникает в фильме исключительно в тех видах, в которых она запомнилась своим близким. Ее вечно юный образ вдохновлен реальной партизанкой по имени Вера Сильвия Магальеш, в 1969 году участвовавшей в похищении американского посла и ставшей для бразильских левых мифической фигурой. Даже удивительно, что ее смерть в 2007 году, как и заточение за решетку Чезаре Баттисти – обвиненного в терроризме итальянского члена подпольной коммунистической бригады (его образ воплотил вечно живой Франко Неро), как и обнародование доклада «Право на память и правду», поведавшего миру о 400 случаях пыток и насилия во время диктатуры в Бразилии, – вдохновили постановщицу не на тяжеловесное социально-историческое полотно, а на легкий, пронизанный свежим океаническим бризом ностальгический этюд о необратимых изменениях в жарком и без всяких революций бразильском воздухе.

Стас Тыркин

ВСЯ КОРОЛЕВСКАЯ РАТЬ

АТЕЛЬЕ КОРОЛЕВСКАЯ ПАЛИТРА (ROYAL PAINTBOX)/ РЕЖ. МАРДЖИ КИНМОНТ

Ahmad Tea в этом году в пятый раз знакомит российского зрителя с новыми британскими фильмами на 35-ом Московском международном кинофестивале. В рамках этой программы был показан фильм английского режиссера-документалиста Марджи Кинмонта «Королевская палитра».

Марджи интересуется акварельной живописью, сама рисует. Как-то раз ей довелось узнать, что некоторые члены королевской семьи равнодушны к художественному творчеству. Оказалось, что принц Уэльский Чарльз не только увлекается живописью, но и сам пишет прекрасные акварельные пейзажи. Посещая разные страны и континенты с рабочими визитами, принц Чарльз обязательно выделяет время на то, чтобы поехать на пленэр. Будь то берег африканского озера или гора в Тоскане, – везде и в любую погоду он находит время и вдохновение, чтобы создать небольшие, но действительно талантливые наброски. Принц Уэльский не исключение в своем роду. «Королевская палитра» о том, что художественный ген передается в королевской семье из поколения в поколение, и сегодня принц Чарльз очень надеется, что его сыновья принцы Уильям и Гарри если и не заинтересуются живописью сами, то сохранят эту традицию и передадут следующему поколению. Сейчас дочь принцессы Маргарет Сара Армстронг-Джонс профессионально занимается художественным творчеством. Ее работы выставляют в галереях, причем галеристы подчеркивают, что они не делают скидок на королевское происхождение автора. К ней такое же отношение, как ко всем художникам.

На Q&A, состоявшемся после показа, режиссер рассказала, что съемки фильма заняли два года. Зрителей интересовало, насколько сложно было общаться с членами королевской семьи. Марджи Кинмонт заве-

рила, что это было довольно приятное общение, хотя ее фильм – это пример тесного общения с принцем Чарльзом. Ближе подобраться к нему, скорее всего, невозможно. Впрочем, служба охраны, которая всегда сопровождала съемочную группу, больше заботилась не о безопасности принца, а о безопасности картин, доступ к которым получили режиссер и оператор.

Фильм был показан по английскому телевидению и был принят зрителями с большим воодушевлением.

После он вышел на DVD и тоже быстро нашел свою аудиторию. Когда одна из зрительниц заинтересовалась, не хотела бы режиссер снять фильм о любимых животных королевы, Марджи заверила ее, что это невозможно. Королева не дает интервью – у нее нет времени, а уж тем более – нет времени для съемок в документальном фильме.

Удивительную атмосферу создал фильм в зале кинотеатра «Октябрь». С экрана будто бы смотрела сама английская выдержанность и строгость, королевское благородство и почтительность. Эти качества, очевидно, передались зрителям. Вопросы они задавали с почтительной томностью в голосе, а покидали зал неспешно и с чувством собственного достоинства.

Елизавета Симбирская

КОРПОРАЦИЯ МОНСТРОВ

8 ½ ФИЛЬМОВ ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ (BORGMAN)/
РЕЖ. АЛЕКС ВАН ВАРМЕРДАМ

Ранним утром жители небольшого голландского поселка вышли на охоту. Трое дюжих мужиков, один из которых – воинственно настроенный священник, решили выкурить странноватых бомжей, обживших просторную лесную нору. Чем местным не угодили эти аккуратные жители подземелья? Откуда такая агрессия в благонаравных обитателях сытой глуши? И зачем им в этом небогогодном деле понадобился пастор? Все вопросы растворяются в ясном свете летнего дня, когда предводитель этой забавной компании лесных жителей, представляющий именован Камизель Боргман, нагрянет в особняк одной обеспеченной семьи. Назовется старым любовником Марины, получит от Рикарда, мужа, по морде, но не исчезнет, а сбрит бороду дядюшке Ау и в новом, цивилизованном виде вернется в тихий дом. Чтобы с помощью своей демонической свиты, – есть основания усомниться в человеческом происхождении Боргмана сотоварищи, – спокойно и изощренно уничтожить семейный очаг. Буквально – умертвив супругов и няню, забрав в неведомое ничто троих

детей-ангелочков, оставив за спиной, там, где еще недавно благоухал оазис мещанского счастья, хлюпающее жидкой грязью болото.

Режиссер Алекс Ван Вармердам, в шестьдесят лет вдруг угодивший в Каннский конкурс, – голландский абсурдист и сюрреалист, сохраняющий невозмутимое выражение лица

в самых диких ситуациях. И как постановщик, и в прямом смысле слова: в новом фильме он играет одного из подручных Боргмана, такого же вежливого и обходительного демона. Причудливые, черные до дурноты комедии – конек Вармердама. Когда-то твердой синефильской валютой на Горбушке были его «Северяне» и «Платье», а в нулевые годы все фильмы Вармердама оперативно поступали в российский прокат. Что, в общем, не самое большое достижение: и «Официант», и «Новые сказки братьев Grimm», и «Последние дни

Эммы Бланк» выглядели неуклюже и тяжеловесно. Хотя трудно не признать их особенность: стиль Вармердама узнается сразу. «Возмутитель спокойствия», в отличие от, как минимум, трех его предыдущих работ, сделан безупречно – неторопливо, тонко, без назойливого комикования. Это, возможно, и самый загадочный фильм Вармердама, предполагающий множество трактовок. Критику, одержимому левыми идеями, он дает возможность увидеть в крахе Марины и Рикарда метафору расплаты сытого западного мира за счастье, приобретенное ценой чужих слез: одна из боргмановских подручных носит имя Илонка, будто беженка из Восточной Европы, которая вполне могла бы оказаться товаркой несчастных героинь другого голландского фильма из программы Московского фестиваля – «Среди нас». Можно не цепляться за популярную социологию и воспринимать «Возмутителя спокойствия» как реплику о банальности зла: современные суккубы и инкубы, вторгающиеся в спокойный сон мирных граждан, неотличимы от доброжелательных клерков. А можно не забивать голову толкованиями и отнестись к фильму просто как к пряному развлечению – темной параноидальной сказке о том, что бывает, когда впускаешь в дом незнакомцев.

Вадим Рутковский

РОДНЯ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ КОНКУРС ГЕНИЙ МЭРИАН (THE GENIUS OF MARIAN)/
РЕЖ. БЭНКЕР УАЙТ

Пэм Уайт, бывшая модель и мать режиссера Бэнкера Уайта, накануне 60-летия начинает писать биографическую книгу о собственной матери, художнице Мэриан Стил, которая умерла от болезни Альцгеймера в 2001 году. Книгу Пэм называет «Гений Мэриан». Это же название для фильма использовал Бэнкер Уайт, когда два года спустя у Пэм вслед за ее матерью тоже диагностировали болезнь Альцгеймера. Потеряв способность писать, но не думать и вспоминать, она

просит сына помочь в работе над книгой. Тот соглашается и с тех пор разговаривает с Пэм только с включенной видеокамерой. «Ты делаешь фильм о Мэриан?» – тревожно спрашивает Пэм. «Да, мама, конечно», – отвечает Бэнкер, но в этот момент у него на уме уже совсем другое.

В фильме чувствуется растерянность автора. Шокирующая новость о неизлечимой болезни матери сбивает с толку и его. Камера смотрит по сторонам, без какой бы то ни было системы выхватывая то

таблетки на столе, то потерянный взгляд Пэм. Будто не зная, как справиться с переломным моментом в сюжете. Слишком трудно отойти на два шага в сторону, забыв, что перед тобой – родная мать. Но жизнь сама диктует сценарий. Достаточно просто постоянно находиться рядом.

Фильм Уайта хоть и носит имя его бабушки, но полностью посвящен матери. Пэм Уайт в тот самый момент, когда пыталась описать недуг, погубивший ее мать, попадает в точно такие же обстоятельства. Используя эту трагическую завязку как зеркало, режиссер продолжает раз за разом сталкивать прошлое и настоящее. Вот его мать – молодая, красивая, рядом с мужчиной в форме, – его отцом. А вот они же, в той же позе, в той же одежде, но годы спустя. Так же работает угадывающая память его матери. Уговаривая себя, что она все еще работает над книгой, Пэм смотрит архивную хронику, на которой она – совсем юная девушка, позирующая для Мэриан Стил, своей матери. Старые кадры наталкивают на новые воспоминания, буквально светящиеся от нежности. Точно так же, как когда-то ее мать вдохновлялась черно-белыми фотографиями, переноса их на холст в яркой импрессионистской манере.

Для Пэм, задумавшей книгу, такое сильное определение, как «гений», – скорее способ выразить степень любви к матери, чем описание реального положения дел (Мэриан Стил при жизни несколько раз была отмечена в профессиональном сообществе, в частности, получила награду Пенсильванской академии изящных искусств, но цена ее работ на аукционах за последние десять лет ни разу не превышала \$4000). Но для ее сына «гений» – символ всего нематериального, бессмертного, трагического и вдохновляющего, что неожиданно переплелось в судьбе его добродушной матери. В его собственной судьбе.

Никита Карцев

ХЛЕБ, ЛЮБОВЬ И ФАНТАЗИЯ

РОССИЙСКАЯ ПРОГРАММА НЕБЕСНЫЕ ЖЕНЫ ЛУГОВЫХ МАРИЙ/
РЕЖ. АЛЕКСЕЙ ФЕДОРЧЕНКО

– Вы сняли очень «экзотическую» картину, если так можно сказать о фильме, поэтика которого строится на культуре одного из народов России. всю эту экзотику вы действительно нашли в Марий Эл в «готовом виде», или это в большей степени стилизация писателя Дениса Осокина, автора сценария?

– А мы снимали не в Марий Эл, а на Урале. Восточные марийцы сохранили свои традиции, обряды и память гораздо сильнее, чем луговые на Волге. Все-таки по луговому сильно прошлась советская власть: воевали со священными камнями и священными рощами, вырубали их. И ландшафт на Урале интереснее. Хотя одна экспедиция из четырех у нас была все же в Марий Эл. Там мы нашли очень много. Я снимал настоящую гадалку, настоящих колдунов-плевателей... Мы снимали на кладбище, я случайно зашел в угол, в котором уже давно не хоронят, и на кустах увидел две самодельные куклы, которые там повешены. Это проклятие на смерть. Очень страшно, очень интересно... После общения с этой культурой понимаешь, что слово может убить и воскресить.

Там до сих пор все это живо. Рассказывают про человека, который срубил священную рощу, а потом всю жизнь перекладывал поленицу из одного конца двора в другой и не мог объяснить, что он делает. А другой опрокинул священный котел, и на следующий день выбежал голым из дома и утопился в ручье деревенском. Там до сих пор спасают людей от тяжелых болезней... У нас все это давно пропало уже.

– «У нас», видимо, имеется в виду еще и – в русских деревнях. Но ведь в той же Республике Марий Эл русские деревни соседствуют с марийскими.

Неужели такое различие?

– Конечно, нет. К сожалению. В священные рощи молодежь почти не ходит, только пожилые. Молодежь, конечно, приезжает на моления, в «главных» рощах собирается несколько тысяч человек, но для них это экзотика. Молодежь абсолютно современна, уезжает в города, в Москву... И поэтическую культуру тоже сохраняют старики. Я увез со съемок собрание частушек деревни Малой Таврынки. Это поэзия по уровню круче японского хокку! Вот я хочу теперь книгу издать, потому что это просто золотая россыпь.

– Ваш фильм получился очень ярким. Пришлось ли как-то специально декорировать природу?

– Фактически ничего не надо было делать, потому что сочетание зеленого, синего и красного, которое в этих деревнях всюду, давало ощущение радости жизни полное. Мы добавляли чего-то понемногу. Я скупил китайскую пленку во всем районе, и все, достаточно: на стол бросаешь, или на стену повесишь, и декорация готова. Они так все и сами делают. Фольклор плюс китайская замечательная клеенка. И все. Всюду такой минимализм, примитивизм и радость жизни.

– Сложилась такая атмосфера сказки, да?

– А это и есть сказка для взрослых. Но документальная: я иногда воровал из подсмотренного раньше или увиденного в процессе съемок. Но реальность чуть-чуть отличается от фильма. Мы ради картины возвращали обряды, которые исчезли начисто. Не когда-то давно, а двадцать, тридцать лет назад. Мы их вернули в сегодняшний день. Еще в двадцатые годы существовала труба невесты: когда у девушки начинались

месячные, она должна была выйти на улицу и дуть в эту огромную трубу, чтобы все знали, что появилась новая невеста. А сейчас мы нашли эту трубу, правда, без мундштука, и никто не помнит, как она звучала. Или вот: когда мужчина умирает, лучший друг надевает его одежду и идет в ней на кладбище. На сороковой день он ходит по деревне с подушкой умершего и рассказывает, как он (то есть, умерший) провел сорок дней. Это веселый день, последний счастливый день, который он провел с живыми. Ряженный

обходит сорок дворов, в каждом его угощают, в каждом танцуют, а потом все: душа должна уйти. Сейчас подушку еще носят, а в целом обряд утрачен.

– Вы сказали «сказка для взрослых», и действительно, в «Небесных женах...» есть откровенные сцены...

– Ну, нет. Да, там есть обнаженные тела, но фильм в целом очень целомудренный. Все понятно, почему ему поставили «18+», но я бы смело поставил «12+». Я своей дочери покажу этот фильм, и даже не сомневаюсь нисколько. Потому что все очень естественно и нет пошлости.

– Как вас приняли в деревнях? Приветливо или как чужаков?

– Мы когда приехали в Марий-Эл, то пошли сначала к главе республики, потом к главному карту – это верховный жрец. Это очень важно для деревень. Потому что когда они знают, что есть благословение, они хорошо принимают. Он прочел какую-то молитву... Выпили вина... Хлеб, там, свечка... И он сказал (нам потом перевели): теперь вам будут помогать деревья, травы, солнце и ласточки. Я подумал: почему ласточки, что такого в ласточках?... Действительно, если утром был нужен дождь, а вечером солнце, то все так и было. А вот ласточек не было. Я уже забыл про них, и когда монтировал фильм, на каком-то уже сорок пятом варианте – вдруг в окошко залетает ласточка. Я говорю: все, стоп. Монтаж окончен. И больше не притронулся.

Интервью вели Ася Колодижнер и
Петр Шепотинник

ALEXEY BALABANOV
SPECIAL SCREENING

He was notorious in his inability to be liked but seemed to be universally loved. He was childish and hard like a father. Naive like a teenager and wise, a loner with a notebook filled with future dialogues and almost a classic. Invariably dressed in a cheap t-shirt and stylish, like a poet of the "silver age". And we treated him similarly: almost a genius, but probably too hot-headed, a truth-seeker, but he could be a bit more elaborate... They say, he did not live as long as he could. He did not because he lived his own and our lives to the full, ardently, recklessly, on the brink of the eternal Russian abyss. He looked calmly into this abyss and subtly taught us to be brave as best he could. And he could do a lot. And he did a lot. Following the ceremony in Turin where he received what seems to be his only international award (Balabanov of all people!) he nearly missed his plane in Frankfurt because he was immersed in observing a group of new Russians on a drunken spending spree in a duty-free shop. They were looking groggily at the cult figure of Balabanov who had just slapped society with "Brother" while Lyosha was asking, inquiring, listening to every intonation and becoming "one of them". When he separated himself from the crowd and went home, he was slightly different. That is how he was always and everywhere sinking his teeth into the soil of Russian life upturned by Perestroika, nourishing himself on the tumultuous Russia which he loved faithfully, without the patriotic hubbub but with a defiant almost pioneer naiveté or perhaps a rocker's spontaneity. A revolutionary. A fighter with the bourgeoisie who adored him no less than the poor. He said in a muted voice over the phone "It is probably my last movie". I was calling him in St. Petersburg excited after the screening of the copy of "I Want It Too" where there were incoherent signs instead of the yet unfinished CGI. But was it what he really wanted? Is it really only memories now?

Peter Shepotinnik

TULPA

SAVAGE NIGHTS

DIR. FEDERICO ZAMPAGLIONE

– What attracts you in horror movies?

Federico Zampaglione: It must be a way to escape from the horrors of reality. It is a joke, a movie. When I am asked why I like these movies, I don't have a ready answer. Fear is a very primal feeling. We start being afraid when we are still children, we are afraid of the dark, of a slightly open window. As we grow older the feeling does not disappear. You can be hiding it, but at a certain point the child inside you will prevail and you will make a horror movie. You feel a bit like a kid because you have to recall the fears you experienced

when you were still a child. It is only a movie. If you read papers, that is where the true horror is.

– The tradition of horror movies is rather rich. In what ways do you develop it?

– My movie carries the stamp of the present day – the economic crisis, sex clubs. It is a story about sex, violence. This movie does not have deep meaning, I don't intend to give anybody a message. It is mere entertainment. It is sad that giallo is disappearing in Italy. In my young days I was a fan of Dario Argento, Lucio Fulci, Mario Bava. I used to watch them a lot. Suddenly they stopped making giallo. In the course of time audience has changed. I miss those movies. I waited and waited, waited for someone to make this giallo movie. They were making horror movies about witches, about Dracula. But I was thinking, let us make giallo. This is my personal declaration of love to this genre. I hope we will see giallo again on the screen.

– What is the difference between a giallo and a horror movie?

– There is a world of difference. In a horror movie the main thing is fear, the viewer must be frightened. Everything is serious. The type of horror is decided upon: gore, supernatural, ghosts etc. There are many different variants of horror. But the essential thing is fear. In giallo the principal thing is madness. Sometimes you are frightened, sometimes you laugh. Sometimes there is something too garish, too bright, or too loud, or the sets may be too exuberant. It is a mixture of many different elements. As compared to a horror movie, it is more difficult to shoot giallo. The borderline between laughter and fear is very thin.

– What in your film is reality and what is fantasy?

– The atmosphere reminds us of the atmosphere of the 70-80s, movies like "The Killer That Stalked New York". The killer is dressed like in the films of Mario Bava: black gloves, a cloak. I intended to include the economic crisis, because it is very oppressive for us. Everybody keeps saying that no one has any money. And it is frightening. The way of shooting was a bit more contemporary. We use a mixture of analogue shooting, prosthetics and digitally processed images to achieve a more realistic effect. If you settle only for mechanical effects, the movie would seem a bit old fashioned. You can shoot only in one way: close-ups, revealing the details, a knife for example. We chose another option. I knew two very talented guys who were interested in new technologies. I do not know of anyone using this method before us. I think, my guys invented it. The music is also slightly different from that in giallo, it's rather modern jazz, electronic music. It is a bit unusual for such a movie. We shall see how it works out. I can't even say for sure what I have made.

– Why was the genre born in Italy?

– In Italy we have pasta, pizza and giallo. Italians must be slightly crazy. It is a combination of the lack of money, lack of creative fantasy and a stylish way of shooting a film. I haven't seen anything like it in any other country. Now they make imitations of giallo – "Masks" by Andreas Marschall etc. Funny, it is our genre but we are not making it any more. Giallo is shot for us by people in other countries.

– Do you children watch horror movies?

– It is too early to take my daughter to the cinema, she is only three. But I am sure she will like horror movies. Sometimes she asks me to show her the zombie make-up on the Internet.

Interviewed by Asia Kolodizhner and Peter Shepotinnik

MEMORIES THEY TOLD ME/ A MEMÓRIA QUE ME CONTAM

COMPETITION DIR. LUCIA MURAT

"When we met, we were seventeen... The world was beginning to turn upside down and she had an influence on all of us."

"When I came to Rio, I immediately got into contact with all of them, including Ana. Many people envied me."

"Ana was our eternal rebel, the one who kept us together, the one we needed."

In these simple phrases her aging comrades in the revolutionary struggle remember Ana. Ana suffered tortures that badly affected her mental and every other health and is now in a coma, like, presumably, the Brazilian revolutionary movement. The former rebels, who have now grown fat, come together and in a relaxed atmosphere remember the past days, chat about various things, languidly discuss the conflict of good and beautiful. The beautiful is the domain of the children of former revolutionaries who, judging by this movie, don't have much left to fight for in present-day Brazil. The son of the filmmaker Irene (alter ego of the director Lucia Murat, who belongs to the generation of 1968) openly lives with a guy. Ana's daughter has found her place in France and without showing signs of an overly tragic mood seems to be on the verge of going to bed with some gays of the same age. I don't know about the social revolution, but the sexual one has undoubtedly taken place and no revanche is possible. At least not in Brazil. The rest of Marxism smoothly shifted to the sphere of the unending discussions which Ana's former friends indulge in when they have free time. Once they survived the military dictatorship, then they became members of the Brazilian elite, found their ways into the ministries and elite cinema. Ana herself appears in the movie only the way her relatives remember her. Her eternally young character is modeled on the real-life partisan Vera Sylvia Magalliech, who in 1969 took part in the kidnapping of the American ambassador and became a mythical figure for Brazilian leftists. It is amazing that all these events – her death in 2007, the imprisonment of Cesare Battisti, the Italian member of the underground communist brigade who was accused of terrorism (he was embodied on the screen by the eternally living Franco Nero) as well

as the publication of the report "The Right to Memory and Truth" which told the world about 400 cases of tortures and violence during the dictatorship in Brazil – inspired the director to make not a heavy social and historical drama but a light breezy nostalgic study of the irrevocable changes in the sultry Brazilian air, which is hot even without revolutions.

Stas Tyrkin

ROYAL PAINTBOX

ATELIER

DIR. MARGY KINMONTH

This year "Ahmad Tea" for the 5th time introduces British films to the Russian audience at the 35th MIFF. "Royal Paintbox", a film by the British documentary filmmaker Margy Kinmonth, was screened as part of this program. Margy takes an interest in watercolors, and herself is a painter. Once she happened to learn that members of the Royal family have a liking for the arts. It turned out that Charles, the Prince of Wales, is not merely interested in painting but draws wonderful watercolors. Going to this or that country or continent on a working visit Prince Charles always finds the time for plein-air sessions. Whether it is the coast of an African lake or a mountain in Toscana, he always in any weather finds the time and inspiration to create small but truly talented sketches. The Prince of Wales is not an exception in his family. "Royal Paintbox" assumes that the "artistic gene" is passed from generation to generation in the royal family and today Prince Charles hopes that even if Prince Harry and Prince William are not interested in painting themselves, they will preserve and pass on this tradition to the next generation. The daughter of princess Margaret, Sarah Armstrong-Jones is a professional artist. Her works are exhibited in galleries, but the owners say that they make no concession for her origins. They treat her like any other artist.

The filmmaker said that the shooting lasted for two years. The viewers wanted to know how hard it was to communicate with the members of the Royal family. Margy Kinmonth assured that the interaction was rather pleasant. Her film is an example of the closest contact with Prince Charles. It is probably impossible to get any closer to him. Though the security service which always accompanied the crew was concerned not so much with the safety of the Prince as with the safety of paintings which were made available to the director and he cameraman.

The film was screened on British TV and was enthusiastically received by the audience. Later it was released on DVD and also found its viewers. When someone in the hall inquired if the director would like to make a film about the Queen's pets, Margy explained that it was absolutely impossible. The Queen does not give interviews, she has no time for them and she does not have time to appear in a documentary.

The film created an amazing atmosphere in the "Oktyabr" cinema hall. The screen seemed to ooze British reserve and austerity, royal nobleness and respectfulness. These qualities were somehow

passed on to the viewers. Questions were asked with languid deference and later the viewers left the hall in an unhurried dignified way.

Elizaveta Simbirskaya

BORGMAN

8 1/2 FILMS

DIR. ALEX VAN WARMERDAM

Early in the morning Dutch villagers went hunting. Three sturdy blokes and a militant priest among them decided to drive out queer tramps, who settled in a spacious burrow in the wood near their village. What wrong have these children of the underground done to the villagers? Why are these prosperous virtuous inhabitants of the backwater so aggressive? Why do they need a priest in such an ungodly affair? The questions will dissolve in the bright daylight when the leader of this amusing company, who calls himself as Camiel Borgman, descends upon the mansion of a rich family. He will introduce himself as Marina's former lover, will get slapped across the face by Richard, the husband, but instead of disappearing he will shave off uncle Au's beard and return to the quiet home in the new civilized guise. And with the help of demonic powers – there are reasons to doubt the human origins of Borgman's comrades – will destroy the family hearth calmly and sophisticatedly. Literally slaughtering the husband and wife and the nanny, taking away into the unknown three angelic children and leaving behind a sloppy bog where only recently there was an oasis of bourgeois well-being.

The director Alex von Warmerdam, who at 60 suddenly found himself competing at the Cannes, is a Dutch absurdist and surrealist, who remains unperturbed in the wildest situations. Both as a filmmaker and in the direct sense of the word. In the new movie he plays one of Borgman's handymen, also a polite well-mannered demon. Whimsical, giddily black comedies are Warmerdam's strong point. Once his "The Northerners" and "The Dress" were "hard cinephile currency" at the Gorbushka market; in the first years of the 21st century all Warmerdam's movies promptly reached Russian screens. Which is not a major achievement. "Ober", "The Last Days of Emma Blank" and "Grimm" looked heavy and clumsy. Though it is hard not to acknowledge their special look: Warmerdam's style is readily recognizable. In contrast to his three previous works "Borgman" is made flawlessly, at a leisurely pace, gracefully, without annoying clowning. It might well be Warmerdam's most enigmatic movie allowing for numerous interpretations. A critic obsessed with leftist ideas,

can see in the ruin of Marina and Richard a metaphor for the price the prosperous Western world has to pay for happiness gained at the cost of other people's tears. One of Borgman's associates is called Ilonka and could be a refugee from Eastern Europe and a friend of one of the characters from another movie in the Festival program called "Among Us". Or one

can forget about popular sociology and see "Borgman" as a pronouncement about the banality of evil: modern-day Succubi and Incubi, disrupting the peaceful sleep of good citizens are indistinguishable from benevolent clerks. Or one can leave off attempts at interpretation and merely savor the movie as spicy entertainment, a dark paranoid fairy tale about what happens when you let in a stranger.

Vadim Rutkovsky

THE GENIUS OF MARIAN

DOCUMENTARY COMPETITION

DIR. BANKER WHITE

On the eve of her 60th birthday Pam White, the former model and the mother of the director Banker White starts writing an autobiographical book about her own mother, the artist Marian Steele, who died of Alzheimer's disease in 2001. Pam entitles the book "The Genius of Marian". Banker White used the same title for his film, when two years later Pam is diagnosed with the same disease as her mother. Having lost the ability to write, but no to think and remember, she asks her son to help her in her work on the book. He agrees and ever since talks to Pam only with his camera running. "Are you making a film about Marian?" - Pam asks nervously. "Yes, mother, certainly", answers Banker, but he is thinking about something totally different.

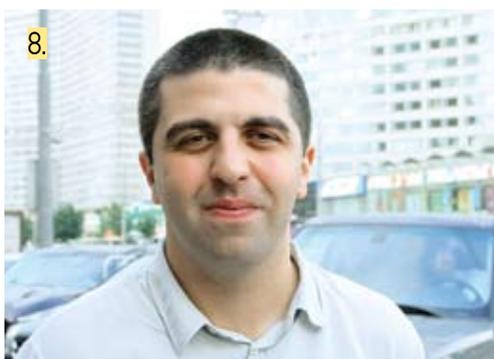

In the film one can feel the author's confusion. He is disoriented after the shocking news of his mother's incurable illness. Without any plan the camera looks in different directions focusing on the pills on the table, on Pam's lost gaze. As if it does not know how to deal with this crucial moment in the story. It is too difficult to make two steps aside when it is your own mother in front of you. But life itself determines the script. It is sufficient to always be around.

Although White's movie is named after his grandmother, it is devoted entirely to his mother. When Pam White tried to describe the disease that killed her mother, she found herself in exactly the same situation. Using this tragic occurrence like a mirror the filmmaker's time and again clashes the past and the present. His mother is young and beautiful next to a man in uniform. His father. And here they are in the same position wearing the same clothes, but years later. His mother's failing memory works in the same way. Consoling herself that she is still working on the book, Pam watches archival footage where she is a young girl posing for Marian Steel, her mother. Old images arouse other memories brimming with tenderness. In the same way her mother was once inspired by black-and-white photos and put them to the canvas in bright impressionistic manner.

Pam uses the impressive attribute "genius" as a way of expressing her love for her mother rather than as an adequate word to describe the real state of things. (In her lifetime Marian Steele won several professional awards, received the award of the Pennsylvania Academy of Fine Arts, but in the past ten years the price of her works at auctions never exceeded \$4000). For her son it is a symbol of everything immaterial, immortal, tragic and inspiring which suddenly got interlaced in the destiny of his good-natured mother. In his own destiny.

Nikita Kartsev

1. Съемочная группа фильма «Мальчик по прозвищу Эйч» 2. Кира Учитель 3. Андрей Мерзликин с женой
4. Александр Велединский 5. Алена Бабенко 6. Александр Адабашьян 7. Максим Осадчий
8. Арчил Кавтарадзе 9. Войцех Смержовский и съемочная группа фильма «Дорожный патруль»

27 ИЮНЯ / JUNE, 27

14:00	ДОМ / Home	ОКтябрь, 8	97
14:00	ЧЕРНЫЙ ПЛАВНИК / Black fish	ОКтябрь, 5	85
15:30	МАМАРОШ / Mamaroš	ОКтябрь, 4	105
16:00	БОЛЬШЕ-МЕНЬШЕ / More-less	ОКтябрь, 11	111
16:00	ОТЕЦ И СЫН / Father and son	ЦДК	58
16:00	ОЛИМПИА. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ – ПРАЗДНИК НАРОДОВ / Olympia.Part 1- Festival of Nations.	ИЛЛЮЗИОН	95
16:00	МАРГАРИТКИ / Daisies	ОКтябрь, 8	73
16:00	КАТАСТРОФИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ / The Crash Reel	ОКтябрь, 5	109
16:15	РОЛЬ / Role	ОКтябрь, 9	132
16:30	ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ МЫ РАССКАЗЫВАЕМ / Stories we tell	ОКтябрь, 2	118
16:30	ВАЛЕНТИНО / Valentino	ОКтябрь, 7	128
16:30	ПАНИКА В НИДЛ ПАРКЕ / The Panic in Needle Park	ОКтябрь, 6	110
17:00	ЧУЖИЕ ВОСПОМИНАНИЯ / Memories they told me	ОКтябрь, 1	100
17:00	БЕЛАЯ ПАНТЕРА / White Panther	ОКтябрь, 10	89
17:15	МАЛЕНЬКИЙ БУДДА / Little Buddha	ОКтябрь, 8	123
17:30	ДЖИСЕУЛ / Jiseul	ОКтябрь, 4	108
18:00	ПОДСНЕЖНИКИ / Snowdrops	ОКтябрь, 11	55
18:00	ПАМЯТЬ / Memory	ОКтябрь, 3	80
18:00	ГЛАЗАМИ ВОСЬМИ / Visions of Eight	ЦДК	110
18:00	О СПОРТ! ТЫ - МИР! / Oh Sports, You Are Peace!	ОКтябрь, 5	120
18:00	ОСЕНЬ / Autumn	ОКтябрь, 11	10
18:30	ИСТОРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР / Centro Histórico	ИЛЛЮЗИОН	
19:00	ДЕГУСТАЦИОННОЕ МЕНЮ / Tasting menu	ОКтябрь, 6	87
19:00	СКОЛЬЖЕНИЕ / Slide	ОКтябрь, 1	117
19:00	ГЕНИЙ МЭРИАН / The Genius of Marian	ОКтябрь, 2	84
19:00	ПРИНЯТЬ ВЫЗОВ / A Leap to Take	ОКтябрь, 10	
19:30	СИБИРСКОЕ ВОСПИТАНИЕ / Siberian Education	ОКтябрь, 7	103
20:00	ДВОЮРОДНЫЙ ДЯДЯ / FIRST COUSIN ONCE REMOVED	ЦДК	78
20:00	ОДУРАЧЕННЫЙ / Tricked	ОКтябрь, 4	85
20:00	СТРАННАЯ ИСТОРИЯ АНЖЕЛИКИ / The Strange Case of Angelica	ОКтябрь, 8	95
20:30	ЛУНА / La luna	ИЛЛЮЗИОН	42
20:30	НИ ПОЛИЦЕЙСКИХ, НИ ЧЕРНЫХ, НИ БЕЛЫХ / Neither cops nor blacks nor whites	ОКтябрь, 5	72
20:30	БРАТ / Brother	ОКтябрь, 3	100
20:30	СОН ИСААКА / Le songe d'Isaac	ОКтябрь, 5	13
21:30	ЗХЗД / 3x3d	ОКтябрь, 6	70
21:30	УЖАСТИКИ / Horror Stories	ОКтябрь, 6	108
21:30	ПО ЭТУ СТОРОНУ ВОСКРЕСЕНИЯ / This Side Of Resurrection	ОКтябрь, 9	78
22:00	ДЫМНЫЕ ГОРЫ / Cloudy Mountains	ОКтябрь, 2	85
22:00	ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА НА ВЕТРУ / Life of a man on the wind	ОКтябрь, 11	122
22:00	ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ / Borgman	ОКтябрь, 1	113
22:15	ОСАЖДЕННЫЕ / Besieged	ОКтябрь, 8	93
22:30	ЗАМОК / The Castle	ОКтябрь, 7	120
22:30	ЗЕРКАЛА / Mirrors	ОКтябрь, 9	130
22:30	ЭТО НЕ Я / I'm going to change my name	ОКтябрь, 9	96
23:00	С ТОБОЙ, БЕЗ ТЕБЯ / With You, Without You	ОКтябрь, 6	90
23:00	ТУЛПА / Tulpa	ОКтябрь, 5	82

28 ИЮНЯ / JUNE, 28

12:00	ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ МЫ РАССКАЗЫВАЕМ / Stories we tell	ОКтябрь, 5	118
13:30	МАЛЬЧИК ПО ПРОЗВИЩУ «ЭЙЧ» / A Boy Called H	ОКтябрь, 8	122

14:00	СКОЛЬЖЕНИЕ / Slide	ОКтябрь, 2	117
13:30	ДЫМНЫЕ ГОРЫ / Cloudy Mountains	ОКтябрь, 5	85
14:30	ПО ЭТУ СТОРОНУ ВОСКРЕСЕНИЯ / This Side Of Resurrection	ОКтябрь, 6	78
14:30	ОСАДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ / State of Siege	ИЛЛЮЗИОН	120
14:30	ДИКАРЬ / Call Me Savage	ОКтябрь, 7	107
16:00	Я – ТАНЦОР / I Am A Dancer	ОКтябрь, 8	88
16:00	ТЕМНАЯ МАТЕРИЯ ЛЮБВИ / The Dark Matter of Love	ЦДК	93
16:00	ДОРОЖНЫЙ ПАТРУЛЬ / Traffic Department	ОКтябрь, 4	117
16:00	ГЕНИЙ МЭРИАН / The Genius of Marian	ОКтябрь, 5	84
16:30	ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ ГОСПИТАЛЬ / M.A.S.H.	ОКтябрь, 6	116
16:30	БЕСПРЕДЕЛ / Disorder	ОКтябрь, 9	90
16:30	АКТ УБИЙСТВА / The Act of Killing	ОКтябрь, 2	120
17:00	ОЛИМПИА. ЧАСТЬ ВТОРАЯ – ПРАЗДНИК КРАСОТЫ / Olympia. Part 2 – Festival of Beauty	ИЛЛЮЗИОН	95
17:00	ЧАСТИЦА / Particle	ОКтябрь, 1	80
17:30	ПОЕЗДА ПОД ПРИСТАЛЬНЫМ НАБЛЮДЕНИЕМ / Closely Watched Trains	ОКтябрь, 7	93
18:00	МАРАФОН / Marathon	ОКтябрь, 5	105
18:00	О СПОРТ! ТЫ - МИР! / Oh Sports, You Are Peace!	ЦДК	120
18:00	СОЛДАТЫ / Soldiers	ОКтябрь, 3	94
18:00	ЗАПАД – ЭТО РАЙ / Eden is West	ОКтябрь, 8	110
18:30	РАЙ: ЛЮБОВЬ / Paradise: Love	ОКтябрь, 9	120
18:30	КРАСНОЕ НАВАЖДЕНИЕ / Red Obsession	ОКтябрь, 4	76
19:00	СЕСТРА / Sister	ОКтябрь, 6	97
19:00	БИТВА ТАБАТО / The Battle of Tabato	ИЛЛЮЗИОН	78
19:00	ПРИГОВОРЕННЫЕ / The Condemned	ОКтябрь, 2	80
19:15	7 ДНЕЙ ГРЕХА / 7 days of sin	ОКтябрь, 7	107
19:30	ДОЛИНА ПРОЩАНИЙ / The Ravine of Goodbye	ОКтябрь, 1	117
20:00	ЗАМОК / The Castle	ОКтябрь, 3	120
20:00	ДРАКОНОВЫЕ ДЕВУШКИ / Dragon Girls	ЦДК	90
20:15	МАЛЬЧИК-ОБОРОТЕНЬ / A Werewolf Boy	ОКтябрь, 4	122
20:15	ЛИССАБОНЦЫ / Lisboaetas	ОКтябрь, 5	120
20:30	РАЙ: ВЕРА / Paradise: Faith	ОКтябрь, 9	113
20:30	Я ТОЖЕ ХОЧУ / Me Too	ОКтябрь, 8	89
21:00	ПАРТНЕР / Partner	ИЛЛЮЗИОН	107
21:30	ЛЕСТНИЦА-2. ПОСЛЕДНИЙ ШАНС / The Staircase II - The Last Chance	ОКтябрь, 2	120
22:00	ОХОТНИК НА ФАЗАНОВ / The Pheasant Hunter	ОКтябрь, 6	23
22:00	ОСВОЕНИЕ ОГРАНИЧЕНИЙ / Exploration of confinement	ОКтябрь, 6	19
22:00	ИДИ И ИГРАЙ / Komm und Spiel	ОКтябрь, 6	30
22:00	ЗАМОК ЭЛЬФОВ / Elven Castle	ОКтябрь, 6	25
22:00	СПАСИТЕЛЬ / Saviour	ОКтябрь, 6	15
22:00	ТОМАС ПЕЧАЛИН / Tom Sadly	ОКтябрь, 6	17
22:00	ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ МАНЕВРА / Open Spaces	ОКтябрь, 6	15
22:00	МАРАФОН / Marathon	ОКтябрь, 1	110
22:00	ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ МОНТАЖ / Final Cut	ОКтябрь, 7	84
22:00	КАТАСТРОФИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ / The Crash Reel	ЦДК	109
22:30	ЗХЗД / 3x3d	ЛП	70
22:30	МЕЧТАТЕЛИ / The Dreamers	ОКтябрь, 8	116
22:45	ВСЯ ЖИЗНЬ НАСМАРКУ / Gloriously Wasted	ОКтябрь, 4	85
22:45	УБИЙСТВО / Manslaughter	ОКтябрь, 5	87
23:00	РАЙ: НАДЕЖДА / Paradise: Hope	ОКтябрь, 9	91

ТК – ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕАТР КИНОАКТЕРА
ЛП – ЛЕТНИЙ ПИОНЕР
ЦДК – ЦЕНТР ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО

35 МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ ПРОВОДИТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
35 MOSCOW INTERNATIONAL FILM FESTIVAL IS HELD WITH THE SUPPORT
OF THE MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

СПОНСОРЫ 35 ММКФ / 35 MIFF SPONSORS

Mercedes-Benz

CARRERA / CARRERA
MADRID

Коммерсантъ

InStyle

АФИША@mail.ru

HELLO!

WEEKEND

ГРУППА
РИА НОВОСТИ

Hollywood
THE RUSSIAN REPORTER

WWW.KINOBUSINESS.COM
КИНОБИЗНЕС
СЕГОДНЯ

СВОЙ
ЖУРНАЛ НИКИТЫ МИХАЛКОВА
www.svoiy.ru

